

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ЭТО особый дар художника — уметь говорить своим искусством со всеми сразу и одновременно с каждым в отдельности, ответив, кажется, единственно твоим мыслям и чувствам, сочиняя о тебе и для тебя одного.

Это особый дар всепокоряемости слушателей. Самых разных. Им наделена Александра Пахмутова. Наверное, невозможно было бы пересчитать, сколько раз слышала, читала она слова благодарности. От шумной пионерки, к которой так щедро она своим творчеством. От молодежи — студентов и строителей, «неугомонных» путников на туристских тропах, разведчиков недр, первопроходчиков морских и небесных далей. На встречах, в концертах, в обширнейшей почте — личной, в корреспонденциях, поступающих на радио, телевидение, — везде и всегда неизменное: «Спасибо за песни Александры Пахмутовой».

Обычно мы обходимся расхожим «универсальным» понятием «популярность». Популярность модного шлягера, модного исполнителя, которая приходит очень легко, — быстрая реакция на простое, примитивное. «Популярность» песен А. Пахмутовой — совсем другое: здесь дело не в быстрой распространяемости, а в душевном признании, потому что в творчестве этого композитора — абсолютно точные, сердцем выверенные, настоящие чувства. И мысли не наугад: они уловлены в жизни тонким чутьем художника, они самые важные, волнующие, сегодняшние. И язык достоверный, близкий всем.

Где только не встретишься с пахмутовскими песнями! На пионерских сборах, праздниках — они любимый гость; в поездном «фольклоре» среди сомнительных самоделок нет-нет, да и вклинится

Старый клен, старый клен,
Старый клен стучит в
окно...

или задиристая «Главное, ребята, сердцем не стареть». Да и на домашней вечеринке, если поют, вспоминают «Нежная», вспоминают «Ненаглядный мой».

Наверное, эта зараженность талантом Александры Пахмутовой — от огромного творческого запала, неиссякаемого у нее. И от отождествления к творчеству, к искусству. Как-то, делясь своими мыслями о жанре, Александра Николаевна очень убежденно сказала: «Песня требует пожизненной верности и пожизненной смелости». И она очень строго придерживается своих принципов. От «пожизненной верности» — всегда узнаваемость ее, единственно «пахмутовских» песен. Есть среди них лучше, хуже, есть песни-открытия и проходные, удавшиеся и неудавшиеся. Однако нет ни одной, где бы художник изменил самому себе, своим убеждениям, принципам, попытавшись «подыграть» аудитории. Ни одной!

«Пожизненная смелость» — в неизменном стремлении к движению вперед, в постоянном поиске, отсутствии самоуспокоенности. Серия песен — портретов людей, реально существующих, людей с именем и фамилией, пожалуй, не припомнишь никого другого, кто бы отважился дерзнуть на подобное. А Пахмутова встретила в Сибири достойного героя и написала «Марчук играет на гитаре», не испугавшись, каким покажется сам себе бригадир монтажников Марчук. И о девчонках-строителях написала («Девчонки танцуют на палубе») — тоже о подлинных персонажах, что встретились в поездке. Пионерская «Турнир эрудитов» — жанровая комедийная сценка — она ведь тоже «зарисовка» с натуры.

Какую песню Пахмутовой ни вспомни, герои ее всегда не выдуманные: они живут среди нас, окружают нас повседневно — люди разных, порой трудных профессий, влюбленные в свою работу мечтатели, романтики. А от человеческой достоверности характеров, от правдоподобия образов, от той горячности, запальчивости, с которыми рассказывает о них, идет характерная для ее песен постоянная сопоставленность с сегодняшним днем, умение остро откликнуться на события, всех волнующие.

Да, творчество — абсолютно беспощадный «обличитель» человеческой сущности. Здесь никогда не спрячется истинное лицо — характер, духовные богатства, которые составляют внутренний мир автора произведения. Особенно в музыке и тем более в песне. Фальшь, подделки под чувства, придуманное, «чужое» непременно всплывают наружу. Как ни прячь их под чувствительные интонации, трогательный, доверительный тон высказывания или, напротив, как ни прикрывай пылом страстей, бурными взрывами чувств, зажигательными ритмами.

люди искусства

СЛЫШИТЕ? В ПЕСНЕ — СЕРДЦА СТУК

М. ИГНАТЬЕВА

манное, «чужое» непременно всплывают наружу. Как ни прячь их под чувствительные интонации, трогательный, доверительный тон высказывания или, напротив, как ни прикрывай пылом страстей, бурными взрывами чувств, зажигательными ритмами.

Александра Николаевна Пахмутова тем и сильна, что в ее музыке чувствуется человек душево щедрый, честный, волевой. Как-то в Большом зале Консерватории, когда исполнялось ее последнее симфоническое произведение — Концерт для оркестра (сочинение яркое, сочное, блистательное), сидевший рядом мужчина вскочил, аплодируя, и вдруг восторженно воскликнул: «Как это, черт возьми, получается — у такой маленькой, хрупкой женщины такая сильная, волевая музыка!». Маленькая, хрупкая женщина — волевая, целеустремленная — в этом облик, характер Александры Николаевны.

Когда она совсем еще девочкой появилась в стенах Московской консерватории, от других ее отличал очень деловитый, сосредоточенный вид, всегда занятость чем-то. Трудный военный 1943 год. Консерватория только-только приходила в себя после эвакуации. Однако жизнь кипела в учебном корпусе, в Большом зале каждый вечер шли концерты. Ученики Центральной музыкальной школы бегали в консерваторскую библиотеку, в буфет и, само собой разумеется, на концерты. Буквально каждый вечер где-то в первых рядах можно было увидеть маленькую, худенькую, с белыми косичками, девочку. Плотнo втиснувшись в кресло, «смирненно» положив руки на подлокотники, «малышка» (как называли ее студенты-консерваторцы за глаза), не мигая вглядываясь в дирижера и слушала, слушала, слушала, кажется, никого и ничего не замечая вокруг.

— Тогда, в 1943 году, для меня это был просто жизненный переворот. В Москве впервые я услышала симфонический оркестр в живом звучании, увидела инструменты, познакомилась с искусством дирижера, — рассказывает теперь композитор.

Легко себе представить, как трудно было сравниться тогда Александре Пахмутовой со своими сверстниками, хотя при поступлении ее в ЦМШ (в шестой класс) приемная комиссия особо отметила «отличный слух», отличное чувство формы и «отличные перспективы», но записала тут же, что «по технической подвинутости Александра Пахмутова от-

стает от сверстников». Значит, надо было «техническую подвинутость» довести до требуемого уровня, а девочка жила в отличие от многих одноклассников без родителей, вдали от дома. Да как на грех к игре на фортепиано — основной специальности — прибавилась еще страсть к сочинению музыки. Правда, первое «сочинение» создано было еще в пять лет в родной Бекетовке (поселок под Сталинградом, где родилась Александра Николаевна). Но в школе в Москве она начала заниматься композицией всерьез. Года через два, вскоре после окончания войны, в документальной киноленте о Центральной музыкальной школе «Юные музыканты» среди лучших была запечатлена ученица восьмого класса Аля Пахмутова, исполняющая одну из частей своей Сонатины для фортепиано.

Всем, кто спрашивает Александру Николаевну, как и откуда пришла к ней музыка, она называет своего отца Николая Андриановича. Нет, не музыканта: профессия его была очень далека от искусства — рабочий ГРЭС, — но талантом судьба не обошла.

— Сколько я себя помню, он всегда прекрасно играл на разных инструментах, и лучше всего на роле. Да и сейчас играет. По слуху разучивал, но от него я узнала «Патетическую», «Лунную», Шестую рапсодию Листа, много других сочинений. От него по наследству переняла непреодолимую тягу к музыке.

Страсть к искусству — вот что на всех этапах творческого пути движет ее вперед. Первый зафиксированный в официальных документах успех на песенном фронте — победа в студенческом консерваторском конкурсе в 1953 году, организованном к юбилею Советской Армии: лучшей жюри признано «Походную кавалерийскую» студентку пятого курса по классу композиции профессора Виссариона Шабалина Александры Пахмутовой. И все же песенный жанр занял главное место в ее биографии значительно позже. Дипломная работа — симфоническая «Русская сюита» и Концерт для трубы. Они подвели черту студенческим годам. Потом писалось много разной музыки, в разных областях, аспектах пробовались силы — симфонические пьесы, сопровождаемые к радиоспектаклям, к фильмам...

Попадание в яблочко — музыка в киноленте Григория Чухрая «По ту сторону», точнее, одна песня из этого фильма. Она решила судьбу на все годы — «Песня о тревожной молодости». Сейчас

почти никто не помнит, что пришла она с экрана. Больше десятилетия песня верно служит молодежи на дальних дорогах жизни, стала душой поколения, как и многие другие, появившиеся вслед за ней.

Ныне Александра Николаевна — самый верный, преданный друг молодежи, лауреат премии Ленинского комсомола. Ее глубоко волнует, чем живут молодые строители Братска, матросы на флоте, как трудятся монтажники; ее занимает жизнь летчиков-испытателей, космонавтов; она знакомится с деятельностью молодых ученых и молодых рабочих. И природа незнакомого края, незнакомой области — это всегда новые художественные впечатления, материал для новых творческих замыслов, это нетронутая песенная целина, которую она так любит поднимать.

Мы беседовали в Союзе композиторов, в той самой комнате, где приходится ей, одному из секретарей правления всесоюзной композиторской организации, регулярно дежурить. Поминутно заглядывали в дверь люди, ожидавшие свидания с Пахмутовой.

— По каким делам рвутся к вам?

— По самым разным — личным, творческим. Очень много забот приносит руководство комиссией массовых жанров. Сами понимаете, проблем не сосчитать. А главное, в связи с этим постом и с «профессией» песенника несчетное количество встреч чисто представительских — совещаний, заседаний, советов, жюри, консультаций и прочих отвлекающих от сочинения мероприятий, говоря казенным языком. Мероприятия просто замучили. Добавьте еще 16—17 разного рода нагрузок — легко подсчитать, какой режим времени остается на творчество.

Какая же организованность, собранность нужна, чтобы выкраивать часы для творчества. И не только, чтобы писать песни: вот же создана после достаточно длительного периода симфоническая партитура, очень сложная по фактуре, по языку. Почему, кстати, снова внимание симфонии, и означает ли сие измену песне?

— Признаюсь, я влюблена в оркестр. Он тонок, выразителен, гибок, многокрасочен. Мне очень давно хотелось обратиться к оркестровой музыке, но ведь режим, я имею в виду режим композитора-песенника, очень суров и совершенно иной, чем симфониста или оперного автора. Сочинять симфонию или вообще партитуру крупного жанра нельзя урывками. С Концертом у меня получилось только потому, что я уехала на отдых и из давнего задуманного, набросанных заметок, эскизов сумела сделать крупномасштабное симфоническое полотно. Крупномасштабное в сравнении с песней, а вообще-то этот Концерт одночастный. Я была счастлива, что «дорвалась» до оркестра. Для меня он живой организм, изменчивый, сложный. В нем все — от карнавального пышного наряда до психологической тонкости глубинных человеческих чувств, мыслей. Все способен передать оркестр. Используя в Концерте разные, порой неожиданные краски, мне хотелось выразить свое преклонение перед могучей силой оркестра, признаться в своей огромной любви к нему.

Беседуя с Александрой Николаевной, я вдруг обращаю внимание на ее совсем детское лицо, как у ребят, — живое, выразительное, мгновенно переменчивое; на добрую улыбку и смешливые озорные «чертики» в глазах. И показалось, что сейчас в нем больше детского беззаботного, чем тогда, в 1943-м, когда морщинка чуть-чуть перерезала ее лоб, совсем взрослая морщинка. И взгляд исподлобья был не по годам сосредоточен. Наверно, от непереносимых забот, свалившихся на ребенка, от боязни не выполнить, не успеть, от стыда.

Сейчас передо мной сидел всенародно известный композитор, заслуженный деятель искусств РСФСР, человек, всем доказавший, что отпущенный природой дар не растратен впустую, что отдает она талант свой делу первоочередно важному, нужному, близкому каждому. И все, с чем обращается она в своем творчестве к людям, находит у них живой отклик, потому что песни ее — это песни о нас с вами и для нас, это песни, в которых всегда слышишь стук своего сердца.